

Е.С. Апалькова, Н.И. Шубникова-Гусева
E.S. Apalkova, N.I. Shubnikova-Guseva

ПОЭТИЧЕСКИЙ ЦИКЛ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА «ЛЮБОВЬ ХУЛИГАНА»: ВОПРОСЫ ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ И ПОЭТИКИ³

POETIC CYCLE BY SERGEY ESENIN "LOVE OF HULIGAN": ASPECTS OF CREATIVE HISTORY AND POETICS

В статье с учетом новых данных анализируется поэтический цикл С.А. Есенина «Любовь хулигана» (1923), сформированный в книге «Москва кабацкая» (1924) с посвящением актрисе Камерного театра «Августе Миклашевской». Цикл состоит из семи стихотворений: «Заметался пожар голубой...», «Ты такая же простая, как все...», «Пускай ты выпита другим», «Дорогая, сядем рядом...», «Мне грустно на тебя смотреть...», «Ты прохладой меня не мучай...», «Вечер черные брови насопил...». В наборном экземпляре Собрания стихотворений, подготовленном поэтом, стихи не были датированы. Последнее стихотворение «Вечер черные брови насопил...» помечено 1923 г. Почти все автографы отдельных стихотворений точно так же не имеют дат. Вошедшие в научный оборот сведения об авторской дате чернового автографа третьего стихотворения цикла «Пускай ты выпита другим...» позволяют уточнить датировку и последовательность написания цикла, созданного с августа по декабрь 1923 г. после возвращения из зарубежной поездки. Новые данные свидетельствуют о том, что первые четыре стихотворения цикла написаны именно в той последовательности, в какой они представлены в цикле. Уточнено время и место написания последнего стихотворения цикла «Вечер черные брови насопил...». Обстоятельства жизни поэта этого периода помогают раскрыть поэтику цикла: от зарождения светлого чувства любви и надежды на преображение в первом стихотворении «Заметался пожар голубой...» до трагического настроения и мотива скорой смерти в последних двух. Драматизм развития повести о любви во многом определили сложные обстоятельства «Дела четырех поэтов», история которого вошла в Летопись жизни и творчества С.А. Есенина (2003–2018). Делается вывод о том, что любовная лирика поэта соединяет основные мотивы его поэзии: коренную связь с Родиной и любовь к ней, осмысление своего жизненного пути. Отмечается трансформация образа лирической героини: реальные черты совмещены с ассоциативными, ее образ близок Богородице и одновременно обобщает черты любой русской женщины.
Ключевые слова: автографы, датировка, С.А. Есенин, А.Л. Миклашевская, поэтика, цикл «Любовь хулигана».

The article discusses, taking into account new data, the poetic cycle of S.A. Esenin "The Love Of Huligan" (1923), formed in the book "Moscow Tavern" (1924) with a

³ Исследование выполнено в Институте мировой литературы имени А.М. Горького за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01173 «Рукописное наследие С.А. Есенина: проблемы изучения», URL: <https://rscf.ru/project/23-28-01173/>.

dedication to the actress of the Chamber Theater "Augusta Miklashevskaya". The cycle consists of seven poems "The blue fire swept ...", "You are as simple as everyone else ...", "Let you be drunk by another", "Darling, let's sit next to each other ...", "I am sad to look at you ...", "Don't torment me with the coolness ...", "The evening has nurtured black eyebrows ...". In the typeset copy of the Collected Poems prepared by the poet, the poems were not dated. The final poem "The evening has nurtured black eyebrows ..." is marked 1923. Almost all the autographs of individual poems are also undated. The information about the author's date of the draft manuscript of the third poem of the cycle "Let You Be Drunk by Another..." entered into scientific circulation allows us to clarify the dating and sequence of writing of the cycle, created from August to December 1923 after returning from a trip abroad. New data indicate that the first four poems of the cycle were written in the same order in which they are presented in the cycle. The time and place of writing the final poem of the cycle, "The evening gathered black eyebrows...", have been clarified. The circumstances of the poet's life of this period help to reveal the poetics of the cycle: from the birth of a bright feeling of love and hope for transformation in the first poem, "A blue fire swept...", to the tragic mood and motive of imminent death in the last two poems. The dramatic development of the story about love was largely determined by the complex circumstances of the "Case of the Four Poets", the story of which was included in the Chronicle of the Life and Work of S.A. Esenin (2003–2018). It is concluded that the poet's love lyrics combine the main motives of his poetry: a fundamental connection with the Motherland and love for it, an understanding of his life path. The transformation of the image of the lyrical heroine is noted: real features are combined with associative ones, her image is close to the Mother of God and at the same time generalizes the features of any Russian woman.

Key words: autographs, dating, S.A. Esenin, A.L. Miklashevskaya, poetic cycle "Love Of Huligan".

DOI: 10.24888/2079-2638-2024-62-3-12-19

Поэтический цикл С.А. Есенина «Любовь хулигана» (1923) был впервые опубликован в книге «Москва кабацкая» в 1924 г. с общим посвящением «Августе Миклашевской». В него вошли ставшие широко известными стихотворения «Заметался пожар голубой...», «Ты такая ж простая, как все...», «Пускай ты выпита другим...», «Дорогая, сядем рядом...», «Мне грустно на тебя смотреть...», «Ты прохладой меня не мучай...», «Вечер черные брови насопил...». В том же составе и в том же порядке, но уже без посвящения он был повторен в книге «Стихи» (1924). Общий заголовок цикла был снят при подготовке первого тома Собрания стихотворений 1926 г. самим поэтом, но порядок стихотворений сохранен [6, т. 1, 397].

Все семь стихотворений написаны Есениным после зарубежной поездки с Айседорой Дункан с августа по декабрь 1923 г. в период частых встреч поэта с актрисой Камерного театра А.Л. Миклашевской, которая исполняла главную роль в «Принцессе Брамбилле», играла Арикию в «Федре» и др. В это время Есенин намеревался выпустить посвященную ей книгу (она названа в проспекте предполагаемых изданий в макете сборника «Москва кабацкая» – РГАЛИ). Кроме того, сохранился экземпляр книги «Москва кабацкая» с авторской дарственной надписью Миклашевской. Героиня цикла подробно описала встречи с поэтом в своих мемуарах. Современникам поэта запомнились «какой-то умиротворенный, непривычно спокойный Есенин и Миклашевская под тонкой синеватой вуалью» [6, 26–27].

В наборном экземпляре стихотворения не были датированы. Последнее «Вечер черные брови насопил...» помечено 1923 г. Почти все автографы отдельных стихотворений точно так же не имеют дат. Ряд автографов остается неизвестным до сих пор.

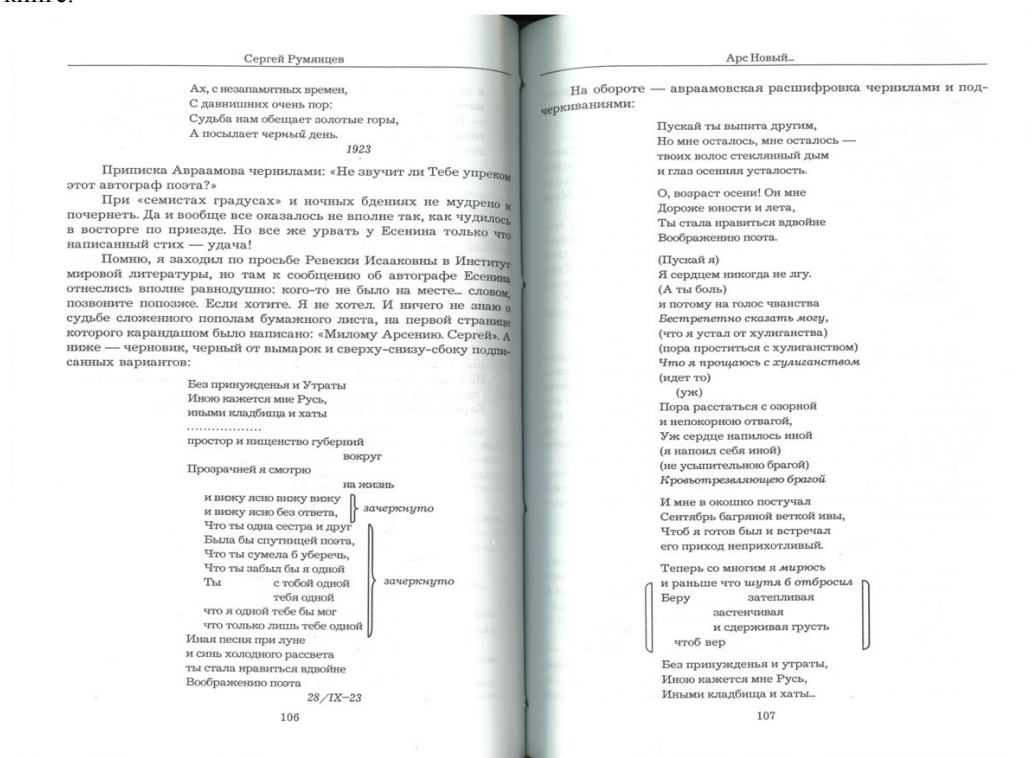
Данные о черновом датированном автографе *третьего стихотворения* цикла «Пускай ты выпита другим...» были опубликованы уже после выхода в свет Полного собрания сочинений С.А. Есенина (1995–2001). Этот факт побуждает обратиться к анализу тех вопросов *текстологии* и *поэтики*, которых не касались исследователи цикла «Любовь

хулигана»: уточнить датировку и *последовательность работы* над стихотворениями и раскрыть *драматический характер* переживаний лирического героя.

* * *

Обратим внимание на новые факты о работе Есенина над третьим стихотворением цикла «Пускай ты выпита другим...», включенные С.И. Субботиным в раздел «Дополнения» к Летописи жизни и творчества С.А. Есенина (том 5(2), 2018) спустя почти 24 года после публикации первого тома Полного собрания сочинений С.А. Есенина (1995) со ссылкой на книгу С. Румянцева о музыкальном критике А.М. Авраамове «Арс Новый, или Дела и приключения безустального казака Арсения Авраамова» (2007). Речь идет прежде всего о датировке стихотворения «Пускай ты выпита другим...», написанном 28 сентября 1923 г., а также о копии его чернового автографа и неизвестной дарственной надписи Есенина Авраамову. Мы узнаем, что поэт подарил ему часть датированного черновика этого стихотворения с надписью: «Милому Арсению Сергей» [13, 108]. Здесь же воспроизводится транскрипция этого черновика, выполненная А. Авраамовым (начало) и С. Румянцевым (окончание) [см.: 13, 106–107].

Есенинская рукопись характеризуется как «черновик, черный от вымарок и сверху-снизу-сбоку подписанных вариантов» [13, 108]. Где она находится ныне, неизвестно. Авраамов в письме к Р. Жид (ночь на 29 сентября 1923 г.) сообщает: «<...> посылаю Тебе нечто очень ценное — черновик *сегодняшнего* есенинского стихотворения, который выпросил у него для Тебя... Тебе никогда не приходилось заглядывать в лабораторию творчества? Пусть *Сергея* Меня Тебе заменит на часок-другой» [13, 108]⁴. Приводим ниже опубликованную транскрипцию и реконструируемый Авраамовым текст, опубликованный в книге.

⁴ Курсив С. Румянцева.

В Собрании стихотворений все стихи цикла датированы 1923 г. Они действительно были написаны Есениным с августа по декабрь 1923 г., что подтверждается историей взаимоотношений поэта с адресатом – А.Л. Миклашевской, а также историей публикации отдельных стихотворений. Вместе с тем с полной уверенностью судить о последовательности написания каждого из стихотворений цикла трудно [6, т. 1, 613–614]. В Полном собрании сочинений С.А. Есенина все стихи также датируются 1923 г. по Собранию стихотворений, за исключением «Дорогая, сядем рядом...», которое датируется по рукописи 9 октября 1923 г.

Такого рода неясность с датировкой стихотворений, вошедших в «Любовь хулигана», привела комментатора тома А.А. Козловского к следующему выводу: «Нет оснований для того, чтобы рассматривать порядок их расположения в цикле как хронологию их написания» [6, т. 1, 613]. Таким образом, оставался вопрос о том, когда именно окончательно сложился замысел цикла и каким был порядок написания стихотворений.

В Летописи жизни и творчества С.А. Есенина датировки большинства стихотворений, вошедших в цикл, даются предположительно. Первое стихотворение «Заметался пожар голубой...» датируется второй половиной августа по свидетельству А.Л. Миклашевской, воспоминаниям А.Б. Мариенгофа и др. Однако создание цикла стихов об исцеляющей любви как «выхода» из «Москвы кабацкой», изданием которой был занят поэт с первых дней возвращения на Родину, было задумано еще до встречи с Миклашевской. Красивая и статная, она вполне отвечала его замыслу. «Без жизненной подкладки», по словам Есенина, он писать не мог [11, 96].

Второе стихотворение «Ты такая ж простая, как все...» написано вслед за первым и датировано в Летописи жизни и творчества С.А. Есенина «до 22 сентября» [7, т. 4, 83], как поступившее в журнал «Красная нива» вместе с первым. Следующие три стихотворения, за исключением четвертого «Дорогая, сядем рядом...», датируются ориентировочно по датам написания первых и завершающего стихотворений цикла: «Сентябрь–Ноябрь. Есенин пишет "Пусть ты выпита другим...", "Мне грустно на тебя смотреть...", "Ты прохладой меня не мучай..."» [7, т. 4, 91]. Третье стихотворение цикла напечатано вместе с четвертым – «Дорогая, сядем рядом...» – под общим заглавием «Любовь хулигана» и с посвящением «Августе Миклашевской» в № 7 журнала «Красная нива» (см: 2 января... до 2 февраля 1924 г.).

Сведения о датировке третьего стихотворения (28 сентября) и четвертого (9 октября) позволяют уточнить данные Летописи жизни и творчества С.А. Есенина и говорить о том, что последовательность первых четырех стихотворений *соответствовала последовательности их написания*. Содержание этих стихотворений раскрывает историю вспыхнувшего чувства лирического героя, которому: «Разонравилось пить и плясать / И терять свою жизнь без оглядки» [5, т. 1, 187]. Тематика определяет исповедальность цикла. Развиваются центральные мотивы – очищающая сила любви и осмысление жизненного пути. Лирический герой прощается с разгульной жизнью, признает собственные ошибки, отрекается от «хулиганства»: «Как умеет любить хулиган, / Как умеет он быть покорным» [5, т. 1, 187].

Ради любви он готов отказаться от самого дорогого – родимых далей и творчества («стихи бы писать забросил» [5, т. 1, 188]). Метафора «заметался пожар голубой» выражает охватившее его чувство: любовь как пожар, стихия, способная полностью преобразить жизнь человека. В соответствии с замыслом «Любовь хулигана» «представляет собой четкую, целостную структуру <...>, в которой каждое стихотворение, не теряя своей самостоятельности, в полной мере все же осмысливается лишь в общем контексте, а последний раскрывается только во взаимодействии и в совокупности всех его частей» [2, 105]. Первое стихотворение – зачин, который задает эмоциональное настроение. Эпитет «голубой» употреблен в переносном значении (он холодный) и привносит тревожные мотивы. Контрастность анафор («В первый раз... / В первый раз...»; «Был я... / Был...») выражает мысль об отказе от прошлого и начале новой жизни. Глаголы, передающие настоящее состояние, показывают стремление души встать на путь преображения:

«разонравилось», «отрекаюсь», «запел» и др. Будущее выражено с помощью сослагательного наклонения, повторы звучат предельно эмоционально, как заклинание («Я б навеки забыл...»; «Я б навеки пошел...» [5, т. 1, 188]).

Второе стихотворение «Ты такая ж простая, как все...» развивает мотивы предыдущего. Оно построено в форме обращения к возлюбленной, имя которой не названо прямо, а обозначено на основе ассоциаций («Что ж так имя твое звенит, / Словно августовская прохлада?» [5, т. 1, 190]). Эти строки нравились поэту, который их «радостно повторял» [12, 85]. Возникает параллелизм: первая прохлада осени – холодность лирической героини. Образ возлюбленной возведен к идеалу, но приобретает реальные черты: он близок Богородице («иконный и строгий лик» [5, т. 1, 189]) и простой русской женщине (в отличие от мистической, неземной любви в более раннем стихотворении «Не бродить, не мять в кустах багряных...», <1916> и др.). Мотив природного уюта совмещается со светлой грустью и одиночеством, а осень становится символом прошедшей жизни и молодости. Эпитеты («одиноким рассвет», «холод осени синий» [5, т. 1, 189]) и оксюморон («невеселое счастье» [5, т. 1, 190]) передают душевные переживания.

Любовь выступает как обновляющая и очистительная сила: «По-смешному я сердцем влип / Я по-глупому мысли занял» [5, т. 1, 189]. Она не только умирляет дух «хулигана», но и вдохновляет на творчество, с которым неразрывно связана судьба поэта: «А теперь вдруг растут слова / Самых нежных и кротких песен» [5, т. 1, 189]. При этом для Есенина важна коренная связь с деревней: «С детства нравиться я понимал / Кобылам да степным кобылам» [5, т. 1, 190].

«Пускай ты выпита другим...» – одно из самых светлых в цикле. Основная мысль – осознание наступления осени жизни («возраста осени» [5, т. 1, 191]). Его олицетворяет образ сентября, стучащего в окно «багряной веткой ивы» [5, т. 1, 192]. Такая перемена воспринимается как естественное течение жизни. Былое «хулиганство» сменяется смирением и полным принятием своего пути («Теперь со многим я мирюсь...» [5, т. 1, 192]). Повтор и градация («Без принужденья, без утраты...» [5, т. 1, 192]), оксюморон («кровь отрезвляюще брагой» [5, т. 1, 191]), однозначный глагол («прощаюсь» [5, т. 1, 191]) усиливают мысль о готовности меняться и менять свою жизнь. Лирический герой осознает, что настала пора «расстаться с озорной» и «непокорною отвагой», он готов к принятию «постоянства», отречению от ошибок [5, т. 1, 191, 192].

Преображение взгляда на мир неразрывно связано с изменением *понимания любви*. Ясность, незамутненность нового взгляда («Прозрачно я смотрю вокруг» [5, т. 1, 192]) приводит к необходимости иметь единственного близкого по духу человека – «сестру и друга» [5, т. 1, 192]. В возлюбленной он видит не только близкого по духу человека, но и единственного человека, способного «стать спутницей поэта» [5, т. 1, 192] и услышать его исповедь. Эта мысль подчеркивается повтором «ты одна», «в тебе одной».

Восприятие нового этапа в жизни (осени) становится лейтмотивом портрета возлюбленной: он полон «осенних» деталей, в которых проявляется мастерство образности Есенина: «выпита другим», «волос стеклянный дым», «глаз осенняя усталость» [5, т. 1, 191]. Лирического героя с ней «соединила не пылкая страсть, а безысходность одиночества человека» [10, 289]. Есенин утверждает главное в своем творчестве – искренность чувств: «Я сердцем никогда не лгу» [5, т. 1, 191].

В стихотворении преобладают однозначные высказывания с глаголами в настоящем времени: «прощаюсь», «мирюсь» и др. Меняется ракурс «прошлое-настоящее-будущее». Безвозвратно отрекаясь от прошлого с его озорством, безоглядностью, лирический герой живет надеждою на будущее. Это подчеркивает повтор («Но мне осталось, мне осталось...» [5, т. 1, 191]). Личные переживания неотделимы от размышлений о Руси: она видится лирическому герою в ином, преображенном свете, что подчеркивает анафора («Иною кажется мне Русь, / Иными кладбища и хаты» [5, т. 1, 192]).

Стихотворение «Дорогая, сядем рядом...» было особенно любимо Миклашевской, оно является своеобразным центром цикла. Героиня впервые здесь названа «дорогой», «и

это обращение стоит в зачине взамен местоимения "ты" в прежних стихах» [2, 102]. Обращение восклицательного характера в начале уже вводит повод не только рассказать об отношении к адресату, но и раскрыть собственные душевные переживания в «исповедальных строках самоочищения» [4, 273]. В стихотворении концентрируются основные мотивы цикла: уходящее хулиганство, осень жизни, любовь как спасение. Возникают новые значимые для поэта темы: воспоминания о деревенском детстве, быстротечность жизни и смерть, сопричастность природе и всему живому. Мотив памяти об ушедших подчеркивается наречием «там»: в родном краю сад помнит о них («Клен и липы, в окна комнат / Ветки лапами забросив, / Ищут тех, которых помнят» [5, т. 1, 194]). Появляется мысль о неизбежном конце жизни каждого человека: «Месяц на простом погосте / На крестах лучами метит, / Что и мы придем к ним в гости»; «Что и мы, отжив тревоги, / Перейдем под эти кущи» [5, т. 1, 194]. Родной край, в котором лирический герой вырос поэтом, противопоставлен «городской и горькой славе» [5, т. 1, 193]. Мотивы холода и одиночества появляются уже в начале стихотворения: «чувственная выюга» [5, т. 1, 193] не приносит душевного спокойствия. Благодаря памяти прошлое проникает в настоящее и продолжает существовать: «Я хотел, чтоб сердце глуше / Вспоминало сад и лето, / Где под музыку лягушек / Я растил себя поэтом» [5, т. 1, 193].

Третье и четвертое стихотворения были опубликованы вместе в последнем номере «Красной нови» за 1923 г. (вышел в начале 1924). Они занимают центральное положение в цикле и заключают его основную тему – любви-«спасения»: «Это золото осень / Эта прядь волос белесых – / Все явилось, как спасенье / Беспокойного повесы» [5, т. 1, 193].

Можно уточнить датировку последнего стихотворения по месту его создания. В наборном экземпляре и Собрании стихотворений есть помета: Больница на Полянке. Учитывая эту помету, сделанную автором в автографе, место написания стихотворения – профилакторий им. Е.Л. Шумской, датировка и обстоятельства создания существенно уточняются уже в Летописи жизни и творчества С.А. Есенина. Поэт лег в профилакторий не 17-го, а 13-го декабря. Драматическое завершение последнего стихотворения и лирические переживания побуждают нас обратиться к обстоятельствам биографии Есенина этого периода. Когда характеризовались стихи цикла критиками и исследователями, ведущими оставались ноты нежности, любви и покаяния. На самом деле содержание всех стихотворений цикла противоречивое и трагическое, эти мотивы нарастают от стихотворения к стихотворению. При уточнении датировок становится ясно, что чувства остро переживались поэтом, а события, сопутствующие этой повести о любви, накладывали печать на переживания. Эта часть творческой истории остается до сих пор не раскрытой исследователями. Перечитаем первые два стихотворения цикла. Вряд ли можно предположить, что встреча, ставшая лирическим сюжетом в стихотворении «Заметался пожар голубой...», и светлая влюбленность закончатся так драматически. Сам лирический герой задает себе недоуменные вопросы: «Не вчера ли я молодость пропил? / Разлюбил ли тебя не вчера?» [5, т. 1, 199].

Обратимся к фактам, впервые изученным и изложенным в Летописи жизни и творчества С.А. Есенина, в частности, к «Делу четырех поэтов», заведенному 21 ноября 1923 г. (ордер № 6274) в результате инцидента, произошедшего 20 ноября того же года. Материалы так называемого «Дела четырех поэтов» по огульному обвинению в антисемитизме (С.А. Есенина, П.В. Орешина, А.А. Ганина, С.А. Клычкова) были переданы в секретный отдел ГПУ и затем рассмотрены товарищеским судом Союза писателей; эти документы до сих пор полностью не опубликованы и находятся в частном архиве. Последние два стихотворения были написаны в этот период. Так, о предшествующем им стихотворении «Мне грустно на тебя смотреть...» Миклашевская писала: «<...> самое трудное стих<отворение>. Чувствую себя виноватой перед ним, что не достаточно бережно отнеслась к нему» [9, 466]. В нем преобладает трагическое мироощущение, надежды на будущее рассеялись, все настойчивее звучит мотив смерти.

Ощутимы лексические переключки со стихотворением «Пускай ты выпита другим...», но семантическое наполнение слов совсем иное. Если там глагол «осталось» несет надежду на будущее («Но мне осталось, мне осталось...» [5, т. 1, 191]), то здесь он, напротив, подчеркивает истощенность и опустошенность лирического героя, тщетность надежд: «Знать, только ивовая медь / Нам в сентябре с тобой осталась...»; «Ведь не осталось ничего...» [5, т. 1, 195]). Слово «иной» означает уже не «новое», теперь оно обращено к теме смерти («иная радость» [5, т. 1, 195]). Образ сентября также меняет значение: это не наступление нового этапа в жизни, которого лирический герой ждет, а конечный пункт жизненного пути.

Основной мотив – переоценка ценностей и идеалов. Важна композиционная антитеза: юношеские мечты о богатстве и славе и нынешние «о другом, о новом» [5, т. 1, 198]. Лирический герой осознает тщетность того, о чем он мечтал: материальные ценности недолговечны, они превращаются в прах и тлен. Из вещей остались лишь «манишка» и «пара избитых штиблет» [5, т. 1, 197], слава хулигана затмила славу поэта («Мое имя наводит ужас, / Как заборная громкая брань» [5, т. 1, 197]), любовь прошла («Знаю, чувство мое перезрело, / А твое не сумело расцвести» [5, т. 1, 198]). Это приводит героя к душевной опустошенности и болезни («тяжелой падучей» [5, т. 1, 197]). Образ души-скелета символизирует истощенность и печальный итог ошибок молодости («Я душой стал, как желтый скелет» [5, т. 1, 197]). Критерием нравственного очищения, способного спасти лирического героя, становится любовь к родному краю. Он надеется, что, вернувшись на Родину, сможет обрести душевный покой («Мне пока горевать еще рано» [5, т. 1, 198]). Теперь лирический герой хочет оказаться «опять в этой местности», «утонуть навсегда в неизвестность» [5, т. 1, 197] и «мечтать по-мальчишески в дым» [5, т. 1, 197], в былую чистоту чувств и восприятий. Именно родные места дают силы на будущее – не материальное, а духовное, «непонятное земле и траве» [5, т. 1, 198] и невыразимое в слове. Образ возлюбленной уходит на второй план и растворяется в пейзаже. Преобладают весенние образы (шум молодой лебеды, «песни дождей и черемух» [5, т. 1, 199]), что становится символом надежды.

Последнее стихотворение отличается, по мнению М. Слонима, «реакционной упадочностью», оно начинается «отчаянным воплем» [14, 252]. Но несмотря на тревожные предчувствия, в стихотворении «содержится огромная очистительная сила» [1, 250]. Утверждается мысль не конца жизни, а завершения определенного этапа: «Расскажу, как текла былая / Наша жизнь, что былой не была» [5, т. 1, 200]. Многочисленные риторические вопросы в начале и конце стихотворения («Не вчера ли я молодость пропил? / Разлюбил ли тебя не вчера?» [5, т. 1, 199] – «До чего ж ты меня довела?» [5, т. 1, 200]) – попытка разобраться в себе и найти ответы на вопросы, волнующие лирического героя.

Будущее представляется неясным: наряду с пессимистическим (больничная койка и смерть) дается и более оптимистический взгляд – возвращение в родные края, обретение новой любви, забвение прошлого с его ошибками, болью и страданиями («Может, завтра совсем по-другому / Я уйду, исцеленный навек» [5, т. 1, 199]). Анафора «может, завтра» разделяет стихотворение на две части и подчеркивает возможность и того, и другого пути. Мотив безвозвратно ушедшей молодости («Наша жизнь пронеслась без следа» [5, т. 1, 199]) связан с образами «запоздалой» тройки, «чых-то коней» [5, т. 1, 199]. Лирический герой понимает, что для него пути назад уже нет: «Тройка олицетворяет бурную, беспокойную жизнь поэта, предвещает смерть» [3, 158]. Единственное, от чего он не готов отказаться, – от своей любви, воплощающей светлый идеал и преображение души («Лишь одну не забуду тебя» [5, т. 1, 199]). Готовность ради возлюбленной отречься от родного края и творчества в первом стихотворении «Заметался пожар голубой...» сменяется отказом от всякого забвения. Описание возлюбленной лишено конкретных портретных деталей, дано чисто эмоциональное восприятие ее образа («Облик ласковый! Облик милый!» [5, т. 1, 199]). Даже любя другую, лирический герой всегда будет помнить о единственной «дорогой». Подобный мотив звучит в более позднем стихотворении «Я помню, любимая, помню...» (<1925>): «И

сердце, остыть не готовясь, / И грустно другую любя, / Как будто любимую повесть / С другой вспоминаю тебя» [5, т. 4, 233].

Итак, документальное расширение комментария к известному циклу Есенина позволяет соотнести новые текстологические данные с обстоятельствами жизни поэта и полнее представить творческую историю поэтического цикла «Любовь хулигана», которая требует дальнейшего изучения. Кроме того, такие события, как «Дело четырех поэтов» и пребывание поэта в больнице, объясняют нарастающий драматизм повести о любви и трагическое завершение цикла.

1. Базанов В.Г. *Сергей Есенин и крестьянская Россия*. Л., 1982.
2. Бельская Л.Л. *Песенное слово: Поэтическое мастерство С. Есенина*. М., 1990.
3. Бобилевич Г. Зимний пейзаж в поэзии Блока и Есенина // *Сергей Есенин и искусство*. М., 2014. С. 150–161.
4. Волков А.А. *Художественные искания Есенина*. М., 1976.
5. Есенин С.А. *Полн. собр. стихотворений: в 7 т. / гл. ред. Ю.Л. Прокушев*. М., 1995–2002.
6. Козловский А.А. *Комментарии // Есенин С.А. Полн. собр. соч.: Т. 1*. М., 1995. С. 385–664.
7. *Летопись жизни и творчества С.А. Есенина: в 5 т. / гл. ред. Ю.Л. Прокушев, А.Н. Захаров, Н.И. Шубникова-Гусева*. М., 2003–2018.
8. Литовский О.С. *Так и было*. М., 1958.
9. Маквей Г. *Неопубликованные письма о Сергее Есенине // Столетие Сергея Есенина*. Вып. 3. М., 1997. С. 457–473.
10. Малыгина Н.М. *Родство ключевых образов в творчестве Есенина и Платонова // Есенинская энциклопедия: Концепция. Проблемы. Перспективы*. М.–Константиново–Рязань, 2007. С. 278–291.
11. Мариенгоф А.Б. *Собр. соч.: в 3 т. Т. 2. Кн. 2*. М., 2013.
12. Миклашевская А.Л. *Встречи с поэтом // С.А. Есенин в воспоминаниях современников*. М., 1986. Т. 2. С. 83–92.
13. Румянцев С. *Арс Новый, или Дела и приключения безустального казака Арсения Авраамова / науч. ред. М.П. Рахманинова*. М., 2007.
14. Слоним М. *Рецензии // Молодая гвардия*. № 5. 1924.